

ЛИЧНОСТЬ И МАСКА: ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА ОБЩЕНИЯ В ЧАТЕ*

*О.Г. КУЧИНСКАЯ, докторант, департамент коммуникации,
Университет Калифорнии, Сан Диего ©*

Статья посвящена проблеме изменения поведения людей в процессе общения, опосредованного некоторыми интернет-технологиями. В первую очередь речь идет о чатах с открытым доступом, позволяющих, сохраняя анонимность, разговаривать большому количеству незнакомых друг с другом пользователей. Интерес исследователей вызвали обнаруженные необычные паттерны поведения общающихся, которые наиболее часто характеризуются как «повышенная раскрепощенность» и «смена идентичностей». Предлагаемый нами подход основан на сравнительном анализе опосредованного и непосредственного общения. Показано, что поведенческие феномены, аналогичные выделенным, возможны и в некоторых формах непосредственного общения. В частности, они связаны с ограниченностью или отсутствием временной перспективы общения (общение «здесь и сейчас»), а также с типом социальной идентичности личности, обеспечиваемым выбранной формой общения.

Ключевые слова: чат; канал коммуникации; особенности поведения индивидов в чатах; анонимность, раскрепощенность, смена идентичностей; социально-психологические механизмы изменения поведения в чатах; временная перспектива общения; социальная идентичность личности.

Прежде чем перейти к рассмотрению психологии поведения в чате, считаем необходимым уточнить, что имеется в виду, когда речь идет о чатах. Термин происходит от английского слова «chat», что означает «болтать», «дружески беседовать», иногда – «флиртовать». Онлайн-овые чаты, или интернет-чаты, – это компьютерные программы, позволяющие людям разговаривать в Интернете в режиме реального времени. В литературе под *чатом* чаще всего понимается так называемый *чат-рум* (chat rooms), интернет-сайт, благодаря которому большое количество незнакомых между собой пользователей имеют возможность разговаривать друг с другом. На экране компьютера реплики говорящих следуют одна за другой. С каждой новой репликой текст смещается вверх. Такой текстовый вариант чата можно считать классическим.

Примеры русско-язычных чатов: *чат кро-ватка*, *чат @mail.ru*, англо-язычные чаты AOL, а также IRC (Internet Relay Chat, в котором есть и русско-язычные каналы, является одним из наиболее старых чатов). Чаще всего, доступ к каналам чата (т.е. к группам о чем-то разговаривающих людей) свободный, иногда некоторые добровольцы из числа пользователей (чаттеров) присматривают за порядком и «выкидывают» из чата особо агрессивных чаттеров, мешающих общению. Существуют и более сложные чаты, в которых текстовое общение

дополняется графическим представлением пользователей («аватары»), которые могут передвигаться на фоне картинки «комнаты» (например, англо-язычный чат The Palace и The Manor). Есть также чаты с трехмерной графикой.

Другие чаты (Yahoo!Messenger, ICQ, AIM, MSN) представляют собой способ общения с уже знакомыми людьми или с ограниченным количеством незнакомых людей. Такие чаты ограничивают общение индивида его взаимодействием только с теми, кто внесен в список. В дополнение к простому текстовому общению они могут предложить еще и голосовой или даже видео-канал (с помощью веб-камер). И хотя каждый такой чат позволяет говорить с несколькими пользователями одновременно, общение, как и в предыдущем случае, остается общением с людьми, уже внесенными в список знакомых. Эти чаты часто используются для общения друзей и членов семьи, находящихся в географически разных местах.

Данное исследование ограничивается анализом взаимодействия в чатах с открытым доступом, где разговор зачастую проходит между мало знакомыми либо совершенно незнакомыми людьми. Интерес к этим чатам возник в середине 1990-х годов в связи с обнаружением необычных паттернов поведения чаттеров. Имеются в виду частая смена идентичностей (чаттеры могут выдавать себя за

* Статья поступила в редакцию 15 мая 2006 года.

людей другого пола, другой социальной группы и т.д.), раскованность, агрессивность, сексуальный подтекст диалогов. Нередко такое поведение описывалось как нечто радикально новое, присущее исключительно общению в Интернете, и связывалось с анонимностью общающихся. Исследователи стремились выяснить, как такое экспериментирование с идентичностью отражается на идентичности человека в реальной жизни, на его личности. Вместе с тем, социально-психологические механизмы и факторы изменения поведения людей в интернет-чатах, остаются до конца неизученными и поныне.

Стремясь восполнить отмеченный пробел, данная работа возвращается к выделенным явлениям, но рассматривает их с несколько иной точки зрения: через сравнение общения в чатах и общения в других ситуациях, в которых оно не опосредуется технологиями, но, тем не менее, обнаруживает те же или похожие особенности. Такой сравнительный подход призван прояснить главное: каковы социально-психологические механизмы, провоцирующие возникновение столь своеобразного поведения в чатах.

Работа основывается на анализе результатов имеющихся исследований и собственных материалов, которые в целом подтверждают и дополняют данные предшествующих исследований. Все приводимые примеры почерпнуты из проведенного автором глубинного интервью с чаттерами из Центрального Европейского университета в Будапеште. Критериями отбора чаттера в респонденты служили его самоидентификация как «заядлого» чаттера и проводимые им разговоры в чатах по 6 и более часов в сутки несколько дней в неделю. Эти примеры не несут функций обоснования общей концепции, а служат лишь ее иллюстрацией.

Особенности поведения индивида в чатах. Что именно люди делают в чатах, зависит как от возможностей самого средства коммуникации (чата как медиума, опосредующего общение), так и от социальной организации общения в чатах. Исходя из этого, вначале представлен обзор обозначенных в литературе особенностей чата как канала коммуникации и далее анализ наиболее часто выделяемых паттернов поведения в чатах и их связи с анонимностью общения в чатах. В теоретическом плане существенно, что реализованный в данной работе анализ выявляет связь «раскрепощенности» с временной перспективой общения и тем, в каком качестве личность выступает в анализируемом общении. Иными словами, анонимность представляет особый интерес при

изучении процессов социальной идентификации, поскольку на одном полюсе находится анонимное общение, общение «под маской», а на другом – общение при максимальной идентификации личности говорящего.

В онлайн-чатах имеет место письменное общение, осуществляемое в реальном времени, иногда сопровождаемое картинками, представляющими говорящего. Чаще всего для характеристики чата как канала коммуникации приводятся следующие свойства: социальная анонимность; отсутствие ситуативных признаков и ограниченный контекст; минимум выразительных средств (по сравнению с непосредственным общением, т.е. общением «лицом к лицу», и даже общением по телефону: нет ни тембра голоса, ни голосовой интонации; ни других характерных признаков голоса, описанных Бахтиным). Отмечается драматургическая невыразительность общения в чате, а также специфический жанр речи, который можно определить как форму письменного разговорного языка. К этому перечню еще можно прибавить особую временную организацию общения в чате. Очевидно, что эти характеристики среды создают взаимодействие, серьезно отличающееся от взаимодействия «лицом к лицу» в реальной жизни.

Чаты отличаются не только средой коммуникации, но и тем, что они обыкновенно реализуются в целях, не имеющих связи с обычной жизнью. Их можно рассматривать как неформальное общение, неинституционализованную форму общения, хотя надо отметить, что четкая граница между институционализированным и неинституционализированным общением отсутствует. Можно сказать, что социальные институты не накладывают тех или иных ограничений на коммуникацию в чатах. Для наших целей важно отметить субъективное ощущение участником чата своей анонимности. Под анонимностью понимается отсутствие указаний на реальную идентичность человека (т.е. идентичность человека в реальной жизни). Анонимность – это не просто отсутствие имени или идентичности, тем более что в чатах человек не без имени, а скорее под новым, другим именем. Следовательно, более точным был бы термин *псевдонимность*, но для наших целей важно подчеркнуть именно отсутствие указаний на реальную идентичность (идентичность в реальной жизни). Для этого используется термин *анонимность* именно в этом значении.

Было бы ошибочно полагать, что компьютер-опосредованная коммуникация в целом и чаты, в частности, всегда уступают по эффективности

непосредственному взаимодействию «лицом к лицу» [1]. Чтобы создать образ самого себя и представить себе партнеров, одного лишь текста недостаточно. В беседе «лицом к лицу» достичь этих целей значительно легче. Тем не менее, несмотря на трудные условия, в чате в процессе общения пользователь добивается того, что недоступно в непосредственном общении [1]. Так, одна из часто упоминаемых отличительных характеристик чатов состоит в экспериментировании с собственной идентичностью (имеется в виду предоставляемая в чате возможность неоднократно выбрать себе любое новое имя и вступить в общение в качестве субъекта, соответствующего этому имени). Пол, классовые и возрастные особенности, другие социальные характеристики утрачивают свою фиксированность. Виртуальная реальность рассматривается как среда, где можно свободно выбирать себе идентичность. В связи с этим некоторые исследователи делают вывод о возможном растворении и фрагментации целостной личности, о растущем отчуждении от собственного Я и от окружающих. Субъект перестает быть стабильным субъектом и активно конструируется непосредственно в ходе процесса общения. Переменная, гибкая и многообразная идентификация, возникающая во множестве форм компьютеро-опосредованной коммуникации, до сих пор привлекает особое внимание исследователей.

Отметим, что исследования, констатирующие смену идентичностей как главную особенность общения в чатах (и других аналогичных формах компьютеро-опосредованной коммуникации) являются в основном описательными.

Раскрепощенность в компьютеро-опосредованном общении. Социальные психологи уделяют много внимания и другой особенности неинституционализированных форм компьютеро-опосредованной коммуникации – раскрепощенности. М. Постер в своем описании ослабления социальной ингибиции замечает, что участники виртуальных сообществ «часто описывают себя раскрепощенно, их диалоги быстро расцветают и развиваются» [2, с.194]. Л. Спраулл и С. Кислер в своем исследовании коммуникации в сетях организации отметили, что в случае такого опосредованного общения «коммуникаторы ощущают себя более анонимными и склонны меньше замечать в окружающих их индивидуальность. Они испытывают меньше эмпатии, меньше вины, меньше озабочены сравнениями себя с другими, испытывают меньше влияния со стороны социальных конвенций» [3, с. 40].

Раскрепощенность поведения в чатах проявляется тремя основными способами. Во-первых, люди быстрее и в большей степени раскрываются, чем, несомненно, создается хорошая основа для кибер-интрижек и романов. Такой тип самораскрытия сопровождается повышенной эмоциональностью вследствие как более выраженной откровенности, так и ощущения близости и доверия к партнеру по общению. Быстрота и легкость формирования привязанности в чатах, возможно, связаны с психоаналитическими механизмами проекции и переноса собственных эмоций на тех, с кем участник компьютеро-опосредованного общения, вероятно, никогда не был знаком в реальной жизни.

Еще одно проявление большей раскрепощенности в чатах – это обилие сексуальной тематики и интимно-сексуальные разговоры [4]. Третьим очевидным проявлением раскрепощенности являются случаи антисоциального поведения, такие, как явление «флейма» (т.е. потока оскорблений или грубой брани, публичных нападок на человека в гостинной чата). «Флейм» гораздо больше характерен для мужского, чем для женского поведения в чатах и зачастую описывается исследователями как нечто уникальное, присущее только общению в киберпространстве (например, см. [5; 6]). Среди других вариантов антисоциального поведения в чатах выделяют феномен спама. Спам в чате – это умышленная передача ненужных данных, чтобы просто заполнить строки на дисплеях получателей, хотя возможны также и более агрессивные цели [7]. Приведенные примеры в известной мере раскрывают раскрепощенность поведения индивидов в чатах, хотя и не исчерпывают данное явление.

Социально-психологическое исследование причин раскрепощенности. Спраулл и Кислер считают, что основной причиной раскрепощенности является дефицит межличностных и социальных ситуативных признаков [3]. Они также вскользь упоминают об эфемерности компьютеро-опосредованной коммуникации: сообщения передаются «движениями пальцев по клавиатуре и фосфоресцирующим мерцанием на дисплее; сообщения возникают и исчезают вместе с прикосновением к клавише. Нет осязаемых обстоятельств в виде кого-то, сидящего напротив за столом, или даже растущей стопки бумаги или же этажерки с разбухшими папками – ничего подобного не напоминает людям об их участии во взаимном общении» [3, с. 42]. Непосредственное общение «лицом к лицу» или даже по телефону

сопряжено с передачей большого количества динамически меняющейся личной информации (например, невербальной). Дефицит социальных межличностных и ситуативных признаков в компьютеро-опосредованном общении означает невозможность добиться от индивидуального поведения полной адекватности социальным нормам, социальному контексту в целом. В то же время, общение в чатах нередко столь радикально не соответствует нормам общения, допустимым в реальной жизни, что объяснить это несоответствие оказывается проще, связав его не с затрудненной оценкой социального контекста, а, скорее, с его преобразованием. К вопросу об эфемерности общения в чатах еще вернемся.

В контексте данной статьи важно подчеркнуть, что Спраулл и Кислер изучали организационные и лабораторные варианты компьютеро-опосредованной коммуникации, а это те случаи, в которых совершенная анонимность едва ли в принципе возможна. В таких условиях анонимность есть воспринимаемая анонимность, которая может отличаться, но может и не отличаться от реальной анонимности. Подобное можно утверждать и по поводу предполагаемой эфемерности электронных сообщений. Эфемерность при этом является не фактом, а эффектом восприятия. Можно сделать вывод о том, что реально различные формы компьютеро-опосредованной коммуникации, институционализированные и неинституционализированные, составляют некий континуум, основанный на субъективных оценках объективной анонимности, которые впоследствии приводят к различным степеням раскрепощенности.

Спраулл и Кислер также указывают на деиндивидуацию в случае компьютеро-опосредованной коммуникации. Они считают, что данное явление наступает, когда люди общаются анонимно или когда в ситуации существует дефицит указаний на социальные нормы и ценности. Большие толпы людей, одетых в униформу или захваченных увлекательным событием, — примеры ситуаций деиндивидуации. В таких ситуациях возникает чувство взволнованности, ощущение, что ты являешься частью чего-то другого, а также чувство освобожденности от социальных норм и устоев поведения [3, с. 50].

В качестве критики описанного представления о деиндивидуации как свободе от социальных норм и нравственных структур Т. Постмес, Р. Спеларс и М. Ли [8] выдвигают модель социальной идентичности в деиндивидуационных эффектах (SIDE). Они утверждают,

что каждый индивид обладает рядом личностных и социальных (групповых) идентичностей, которые воплощаются в связанном с ними нормативном поведении. Насколько участники общения ощущают себя деперсонализированными или же, напротив, индивидуализированными (более сознательными) определяется тем, какая из идентичностей является ведущей в данный момент: определенная личностная идентичность или групповая идентичность. Поэтому деперсонализация не выступает причиной антинормативного поведения, но она свидетельствует о преобладании на данный момент групповой идентичности, обеспечивающей соответствие поведения индивида ситуативным нормам. Таким образом, грубую брань, например, надо понимать не как антинормативное поведение, но как ситуативную норму. Постмес, Спеларс и Ли утверждают также, что визуальная анонимность и физическая изолированность — факторы деперсонализации, и проводят различие между анонимностью Я для других и анонимностью других для Я.

Что касается чатов, то один из вопросов, на который наталкивает модель SIDE, следующий: каким образом некоторое поведение становится групповой нормой? Например, почему грубая брань становится нормой в чатах в то время, когда в обычной жизни это не является допустимой нормой поведения? Обе модели, описанные выше, предсказывают значительную деиндивидуацию в чатах. Однако, каков механизм этой деиндивидуации? Как объяснить генезис широко распространенных, повторяющихся паттернов поведения в чатах? Такое устоявшееся и типичное поведение сложно объяснить лишь в терминах дефицита межличностных и социальных признаков, деперсонализации, нарастающего усиления групповой идентичности.

Ключевым моментом нашего подхода к исследованию особенностей поведения индивидов в чатах является сравнение компьютеро-опосредованного общения с другими социально-культурными формами общения, прежде всего не техногенной природы, для которых также характерна повышенная раскрепощенность индивидов. Анонимность и особая временная ограниченность общения выделяется нами как основные факторы раскрепощенности поведения индивидов.

Сравнительный анализ поведения в чатах и других социо-культурных контекстах. Некоторые неожиданные стороны в феномене раскрепощенности в чатах раскрываются при обращении к анализу естественной

анонимности бесед в дороге со случайным попутчиком, совсем чужим, который оказался в том же купе поезда либо занимает соседнее место в самолете. Эти случайные беседы иногда упоминаются в исследованиях по самораскрытию и коммуникативной интимности (например, см. [3]). Беседа случайных попутчиков и общение в чатах имеют много общих черт. В обоих случаях взаимоотношения собеседников характеризуются отсутствием совместного прошлого. Вероятнее всего реального совместного будущего у них тоже не будет. Кроме того, взаимных обязательств у них также нет. Интеракция протекает только здесь и сейчас. Из-за отсутствия каких-либо прошлых взаимоотношений оба индивида имеют меньше предварительных установок друг о друге и о взаимоотношениях. Все это в известной мере напоминает относительно чистый лист, на котором можно писать свою историю.

Интересно, что при некоторых формах социально-психологического группового тренинга группы часто составляются согласно таким же критериям: участники должны быть незнакомы и не иметь взаимоотношений друг с другом. В обоих случаях оказывается, что совершенно незнакомым людям легче быть откровенными друг с другом. В беседу вкладывается меньше значения, произнесенные слова нельзя обратить против того, кто их произнес, потому что ограничена временная перспектива взаимоотношений. Формы анонимности в чатах, разговоры со случайным попутчиком и в составе тренинг-группы тесно связаны с временным характером этих взаимодействий. В каком-то плане подобные случаи – это всегда «тайм-аут» в потоке времени повседневной жизни личности. В обычной жизни личность почти всегда в большей или меньшей степени несет ответственность за свои слова и действия. В случае общения в чате и общения со случайным попутчиком временность и структурная отделенность общения от реальной жизни выступают необходимыми условиями для раскрепощения и самораскрытия. Наши респонденты описывают это таким образом:

К.: Когда перед тобой сидит кто-то – будь то твоя мама, твой друг или твой муж, – если есть какое-то взаимоотношение, есть какого-то типа связь между людьми, то некоторые вещи высказать невозможно, смотря этому человеку в глаза. Возникает какой-то барьер. Что-то всегда лучше оставлять невысказанным. Что касается чатов, барьер внезапно исчезает и можно

позволить себе быть откровенным. Существует допущение о том, что в чатах, когда в нихходишь, вы друг друга не знаете, вам ничего друг о друге неизвестно. Да, меня зовут К., но в мире этих К. возможно тысячи. И существует предположение, что лично мы не познакомимся. Нам просто известны имена друг друга, чтобы обращаться друг к другу, быть вежливыми. Когда уже есть какое-то взаимоотношение с кем-нибудь, часто боишься, что этими словами что-то может оказаться испорченным, слова могут кого-то задеть, повлиять на отношения. Когда человека не знаешь, сказать можно все, что угодно. Это просто собеседник, воспринимающий твою информацию... (К. женщина, из Восточной Европы, возраст примерно 25 лет).

С.: Люди вынуждены делиться. Потому что они не могут сказать что-то своим друзьям, а их друзья то же что-то такое о них знают, чего я не знаю. Я много знаю, но не до такой степени. Потому что не знаешь, кому это говоришь. Вроде знаешь, и в то же время не знаешь. Ты что-то сказал, а если человек это в буфер не сохранил, сообщение навсегда исчезает. Но, конечно, невозможно сказать наверняка. Однажды можно и познакомиться с этим человеком. (С. женщина, из Восточной Европы, возраст примерно 25 лет).

Последний пример служит яркой иллюстрацией того, что общение в чатах расценивается как нечто временное, преходящее, похожее на поток, а по терминологии Спраулл и Кислер – эфемерное. На наш взгляд, наблюдаемое исчезновение слов с экрана в какой-то степени аналогично исчезновению встреченного в поезде попутчика, в результате чего возникает субъективное ощущение, хорошо переданное в следующей выдержке:

М.: Думаю, что разговор в чатах – это, в основном, пустая болтовня. Поскольку разговор ограничен только этим одним моментом, он недолговечен. Для меня самое устойчивое – это веб-страница. И дело не в том, что веб-страница представляет целостный текст, а в том, что она там есть. Как произведение искусства. В общем, это серьезнее, чем просто подслушать чей-то разговор в общественном месте, чем разговор в чате по сути и является. (М. мужчина, из Восточной Европы, возраст примерно 25 лет).

Интернетовские чаты организованы таким образом, что любой участник может покинуть чат в любой момент. Отсутствуют социальные предписания относительно того, когда и куда

зайти, когда уйти, когда говорить. Фактически в чатах время определяется только базовой последовательностью реплик и действий. Интересно, что Спраулл и Кислер отмечают, что наличие часов препятствует эффекту повышенной раскрепощенности.

А теперь попробуем выяснить, что происходит с самопрезентацией индивида со временем, в более длительной временной перспективе. Как происходит формирование образа индивида и образов других участников общения, учитывая описанный выше временный характер взаимодействия в чатах? По всей видимости, со временем, практически независимо от намерений индивида, происходит постепенное формирование его образа и его репутации в глазах других. Очевидно, что и сам индивид со временем узнает свою репутацию – кто он – в глазах других в данном чате:

У.: Начинаешь себя вести, будто тебе наплевать на все. Однако со временем у тебя появляется уже определенная репутация. Тогда человек может делать, что хочет, и это все равно ничего толком не поменяет. Например, если человек получил некоторую репутацию балагура и остряка, он может сделать что-то антисоциальное и остаться безнаказанным. Люди подумают, что это шутка. Тем более, что его лица не видно, его голоса, его интонации не слышно. (У. мужчина, из Восточной Европы, возраст примерно 25 лет).

Подобную онлайн репутацию можно, как это делают некоторые другие авторы, отождествить с идентичностью, но идентичностью онлайн, которая формируется в процессе взаимодействия с другими партнерами. Такая онлайн идентичность по сути оказывается особой маской, скрывающей «идентичность в реальной жизни» и указывающей на принципиальную разницу между ними. «Маска» – это термин, который благодаря его двойственному смыслу вполне соответствует новой, созданной в чате, идентичности. С одной стороны, данный термин означает определенную одноразовость маски, ее сменяемость, а, с другой стороны, он указывает на потенциальную возможность маски преобразоваться в личность, то есть долговременную и относительно фиксированную идентичность. Из-за дефицита всякого рода признаков, зрительно воспринимаемых в невербальной коммуникации, существует немного возможностей узнать действительную, реальную идентичность человека. Групповая идентичность в онлайн чатах имеет тенденцию к быстрой кристаллизации и играет большую роль в

общении. Особые временные характеристики общения в чате (общение по крайней мере начинается с позиции «только здесь и сейчас») имеет также следствием тот факт, что, как бы ни приближалась эта онлайн идентичность к более долговременной идентичности из реальной жизни, она не сравнивается с последней ни в функциональных, ни во многих других характеристиках.

Как уже отмечалось выше, индивиды в чатах дистанцированы от непосредственного влияния со стороны социальных контекстов реальной жизни и, тем самым, от всякой непосредственной ответственности за эффект собственных слов. Представляется, что в этом случае деперсонализация не является простым следствием того, что индивидуальная идентичность перестает быть ведущей и ею становится групповая идентичность, как утверждают Постмес, Спирс и Ли [8]. Анонимность (или, точнее, псевдонимия) связана также с субъективным ощущением, что слова и действия в чате «не мои». Анонимность можно рассматривать как условие и процесс создания достаточно совершенной маски (онлайн идентичности), за которой личность в смысле социального субъекта (того, кто является или мог бы быть ответственным за собственные действия) никогда не будет видна. Деиндивидуация не просто отодвигает индивидуальную идентичность на второй план (по отношению к групповой идентичности). Она еще разрушает идентичность как область ответственности и в этом смысле означает, следовательно, десубъективизацию индивида.

Ношение маски прячет личность от взглядов конкретного или же обобщенного другого и тем самым позволяет ее десубъективизацию. Являясь маской, онлайн идентичность не воспринимается и не может восприниматься как носитель повседневных социальных ролей и связанных с ними обязательств и ожиданий. Анонимность в чатах создает маску совершенную, так как она делает личность и ее реальную идентичность невидимой и, таким образом, фактически (временно) не существующей с точки зрения соответствующих социальных структур, но при этом все же обеспечивает личности возможность социального взаимодействия с другими. С. Жижек утверждает, что в виртуальной реальности человек может ощущать, будто «на самом деле» он ничего не делает («на самом деле» здесь относится к социальным отношениям реальной жизни), что как раз и позволяет ему это делать [9]. Очевидно, что это не свобода быть социальным

субъектом, но скорее именно свобода делать, что захочешь, чистое «бытие свободным». В то же время, утверждает Жижек, именно тогда, когда человек совершенно «свободен», его поведение является наиболее детерминированным социальными условиями и, тем самым, наиболее предсказуемым [9]. Состояние, при котором нет осознания социальных условий, ограничивающих или позволяющих человеку его поступки, является необходимым условием для абстрактной «абсолютной свободы». Оно приводит индивида к неспособности распознать эти условия и, возможно, где-то противостоять им, что обеспечивает ему бытие «субъектом социального» гораздо больше нежели «социальным субъектом». В данном случае вспомним о логике ранее обсуждавшейся модели SIDE [8], которой предполагается, что деиндивидуация есть состояние, в котором индивид не высвобождается от социальных норм и конвенций, но, наоборот, особо конформен с ситуационными групповыми нормами. Добавим, что вследствие десубъективизации личностей они претерпевают сдвиг в определенном направлении, которое детерминировано существующим социальным строем.

В связи с десубъективизацией личности отметим, что раскрепощению в чатах часто противопоставляют застенчивость как боязнь раскрыться [3; 10]. В своем исследовании застенчивости Ф. Зимбардо утверждает, что «быть застенчивым означает бояться людей, особенно людей, которые по какой-то причине эмоционально угрожают: чужих в связи с их незнакомостью и непредсказуемостью, руководителей, которые обладают властью, представителей противоположного пола, которые воплощают потенциальные интимные сближения» [11]. Далее он говорит, что застенчивость наделяет личность некоторой степенью анонимности (т.е. и застенчивость есть вид маски, за которой личность прячется от положения полностью ответственного социального субъекта). Зимбардо даже описал, как мать исцелила его брата от застенчивости, предложив тому носить маску телевизионного героя по имени «Одинокий Рейнджер»:

«Он ее примерил, ему это понравилось. А меня она заставила повторять вновь и вновь слова: «Кто этот ребенок в маске?» Брат живо отвечал: «Одинокий Рейнджер» или «Мистер Никто», или «Не твоё дело», или же просто издавал львиный рык. Затем и учительница согласилась попробовать этот план. Она сказала всем детям, что новый ребенок будет носить

особую маску и они должны ее с него не снимать, но просто развлекаться и играть с этим ребенком в маске. Поразительно, этот необычный подход подействовал. «Одев маску на моего застенчивого брата, наша мама интуитивно знала, что он будет свободнее чувствовать себя в своих действиях. Для остальных детей он, конечно, был каким угодно, но только не анонимным. Но у него была своя точка зрения. Именно субъективный взгляд — это то, что наиболее важно для понимания застенчивости» [11, с. 21].

И застенчивость, и анонимность в чатах, по сути, являются условиями сокрытия идентичности человека в реальной жизни, способом в какой-то мере уберечься от возможных последствий собственных действий, за которые потом эта идентичность будет в ответе. В принципе существуют способы установить реальную идентичность человека даже в компьютеро-опосредованном общении. И все же здесь главное — это субъективное ощущение скрытости, невидимости. Очевидно, что невидимость субъекта в чатах защищает его гораздо лучше, чем застенчивость или простое избегание ситуаций раскрытия. Зачем быть застенчивым, если человек совершенно анонимен? Действительно, полная анонимность и псевдонимность в интернетовских чатах может быть охарактеризована как совершенная маска. Но следует упомянуть об очевидном факте. Никакая маска не бывает вечной. Это временное, преходящее явление. Ношение маски и ограниченность общения во времени (описанное ранее как общение «здесь и сейчас») полностью освобождают человека от ответственности. Анонимность в случае ограниченного во времени общения и анонимность в случае ношения маски имеют, следовательно, самое непосредственное отношение к десубъективизации личности человека.

Выводы

В статье представлен анализ неформального и неинституционального компьютеро-опосредованного общения. Важным компонентом такого анализа стало сравнение особенностей общения в чатах с некоторыми сходными особенностями общения, не опосредованного интернет-технологиями («случайный попутчик», «общение при застенчивости», «общение здесь и сейчас» и т.п.). Отправным пунктом стало явление ослабления (утраты) социального контроля в чатах, явившееся следствием высокой степени анонимности собеседников. Временный характер общения в чатах, псевдонимность пользователей и их полная физическая невидимость вместе создают совершенные маски

для всех обитателей чатовой среды. Характерные отличия поведения людей, когда их общение заведомо временное (и таким образом поддерживает степень анонимности), а также, собственно, анонимного поведения (при том, что анонимный контакт всегда временный) от повседневного поведения людей опирается на феномен десубъективизации. В случае чатов десубъективизация поддерживается, как за счет характеристик самого медиума, опосредующего общение, так и условий его использования (неинституционализированное общение, т.е. общение вне рамок социальных институтов). Можно предположить, что общение в чатах между, например, старыми друзьями или членами семьи может быть более раскрепощенным, чем их общение лицом к лицу (согласно исследованиям Спраулл и Кислер), однако такое общение будет сильно отличаться от общения в чатах открытого доступа, где коммуникация проходит между практически или совершенно незнакомыми людьми, которые могут позволить себе значительно более высокую степень пренебрежения социальными нормами. Тем более общение в публичном чате будет отличаться от использования чатов, допустим, в офисе, в общении коллег по работе.

Отметим, что у индивидов могут быть основания, чтобы не уходить слишком далеко от своей реальной идентичности в обыденной жизни. Анонимность не должна пониматься как необходимый разрыв со всеми характеристиками реальной идентичности. Так, общающиеся в чате могут искать себе собеседников, разделяющих их личные интересы или предрасположенности. Более того, такое общение «по интересам» может сказываться на идентичности человека в реальной жизни. Оно может, например, укрепить соответствующий интерес, может способствовать выходу из социальной изоляции. Однако, в любом случае, онлайн-идентичность никогда не бывает в точности равной или соответствующей идентичности реальной жизни, ибо в ней не хватает той модальности поведения, которая детерминирована реальной жизнью – социальным контекстом, совместной практической деятельностью, обоюдными обязательствами, и, самое главное, принципиально другой временной перспективой отношений.

Таким образом, современные технологии создали новую совершенную маску и сделали возможными новые социо-культурные формы интеракции, какими являются чаты. А ведь маска – древнейшее изобретение человека. История ношения различных масок и содержательна, и поучительна. Вот почему есть основания обратиться к анализу различных социо-культурных форм взаимодействия индивидов, включивших использование масок в качестве своего обязательного компонента. Иными словами, изложенный нами социально-психологический анализ предстоит дополнить анализом культурно-историческим. Без этого любой социально-психологический анализ чатов будет неполным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Walther J.B. Visual cues and computer-mediated communication: don't look before you leap. Paper presented at the annual meeting of the International Communication Association, 1999. <http://www.rpi.edu/~walthj/ica99.html>.
2. Poster M. Postmodern virtualities / G. Robertson & M. Mash & L. Tickner (Eds.), Future Natural. Nature, science, culture. London: Routledge, 1996. Pp. 183–202.
3. Sproull L. & Kiesler S. Connections. New ways of working in the networked organization. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
4. Hamman R. Cyborgams. Cybersex Among Multiple Selves and Cyborgs in the Narrow-Bandwidth Space of America Online Chat Rooms. MA Dissertation, University of Essex, 1996. <http://www.socio.demon.co.uk/Cyborgasms.html>.
5. Herring S.C. Politeness in Computer Culture: Why Women Thank and Men Flame / Bucholtz Liang, A., Sutton L. & Hines C. (Eds.), Cultural Performances: Proceedings of the Third Berkeley Women and Language Conference. Berkeley, CA: Berkeley Women and Language Group, University of California, 1994.
6. Herring S. C. The Rhetorical Dynamics of Gender Harassment On-Line // The Information Society, 1999. Vol. 15. Pp.151–167.
7. Stivale C. J. Spam: Heteroglossia and Harassment in Cyberspace. / D. Porter (Ed.), Internet Culture. New York, London: Routledge, 1997. P. 133–144
8. Postmes T., Spears R., & Lea M. Breaking or building social barriers? A SIDE analysis of computer-mediated communication // Communication Research 1998. Vol. 25. P. 689–715..
9. Zizek S. The plague of fantasies. London: Verso, 1997.
10. Reid E. Electropolis: communication and community on Internet Relay Chat. Honors Thesis, University of Melbourne, 1991. <http://www.aluluei.com>
11. Zimbardo, P. Shyness. What it is. What to do about it. Reading, MA: Perseus Books, 1989.